

1. Отношение современников

Сильвестр Медведев

Поздравление царевне Софье Алексеевне

по случаю Пасхи 7 апреля 1685 г.

День светозарный во мире сияет,
духовным светом род наш озаряет,
благодатию превечнаго Бога,
и путь являет горняго чертога,
иже погублен еще в раи бяше,
егда змий Евву и Адама льщаше,
да же Христос Бог день сей сотворил есть,
себе за путь нам в небо положил есть.
Еще и вождь всем благий бывает,
кто токмо его прилежно слушаёт.
Но ты, велия и славна царевна,
премудра София Алексеевна,
его, воскресша, зело слушаёши
и волю его усердно твориши.
И путь течеши им заповеданный,
убо внидеши во свет всежеланный.
Иже во веки не имать мерцати,
тамо будеши солнечно сияти.
Того усердно аз желаю тебе,
государыне нашей, zde и в небе.

Мене же изволь в милости щадити,
хотяща рабом твоим верным быти.
Ныне же поклон niskий содеваю,
под стопу главу мою повергаю.

Панегирик царевне Софье 1682 г.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ЦАРЕВНЕ И ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ СОФИИ АЛЕКСЕЕВНЫ, ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ

Ничтоже благоприемнейшаго мужественным смыслом ко приятию быти может, яко на чудесный вещи естества и совершенства бистрозрителною смотрети зеницею: благородная государыня царевно и великая княжно Софие Алексиевно. Сие во безсмертную славу Александра Великаго похити, тако, яко и широкий кругземный под власть емудающим благополучием не удоволяшеся, || но слыша от остроразумных поетов, во восточных сущий государствних пречудный дом солнечный, по мнению их на самех светлейшего солнца лучах повешенный, в он же язычестии их бози на совети своя собирахуся, не первые смертным жалом уязвлен быти жаждаше, донеле же чудный той солнечный дом увиде и в нем некая волхования богов своих навиче. Баснословия внтийская суть сия, но аз дерзаю рещы во истинну, яко делом самем в респоту и во правду Ваше пресветлое величество есть дом солнечный, жилище солнца истиннаго Христа Господа, не на земли пристрастия временнаго, но на лучах того ж самого солнца содержащийся, на востоце благих дел, никогда же запада греховнаго ведущем, утвержденный.

- Лука, гл. 4 Дом солнечный не протесте, но рукою премудраго || вышняго архитектонна, о нем же на земли глаголаша: не сей ли есть Исус сын Тектонов? — Премудре созданный, яко же по имени Вашего пресветлого величества мудрости тезоименитой, приличие есть о сем дому рещы:
- Притчи, гл. 9 Премудрость созда себе храм, и паки: несть се, но дом божий. Не от древ
- Бытия, гл. 28 некоих суетствнем мира сего разтлевающихся и гниющих, но от много благоплодных кедров, от добровонных кипарисов, от возносящихся богомыслием до небес финиксов и от древ сада Иерихонска, — пребывающих во веки добродетелей, — созда Христос Божия Сила и
- Сирах, гл. 24 Премудрость сий себе дом, о котором, или о древесех, з них же создан бысть, со Исусом Сираховым от уст Премудрости глаголющим, мощно Вашому пресветлому величеству съименной мудрости похвалитися: яко кедр вознесохся в Ливане и яко кипарис на горах Аерсмонских, и яко финике || возвысихся на приморий и яко сад Шипков во Иерихоне.
- Ионанн, гл. 24 В сем солнечном Вашего пресветлого величества дому не бози, но Бог единый в трех славимый лицах собирается, ибо любилши его в словеса его храниши, глаголет же Христос: аще кто любит мя, слово мое соблюдает, и отец мой возлюбит его, и к нему придем, и обителью него

- сотворим. Что же творит в доме том Бог, во Троице святой славимый? Совет совещает: не яко тии, нже по пророку: помыслиша совети их же не возмогоша составити, но совет таков, о котором Духом святым Товия Старый ко Богу глагола: Совет твой воистинну имат вся иже угодна тебе; и Сам во писании глаголет: Аз премудрость вселих, совет, и разум, и смысл аз призвах. Аще совет мирен будет между двема, по словесам Захарии пророка, || колми между трема в трех лицах иокланяемаго Бога, совет мирен в дому душевном Вашего пресветлого величества совершается, во мире бо место Господне, и жилище его во Сионе. Совет добр сохранит тя, глаголет мудрец. О! Множае сей совет благаго Бога, благый сохранит Ваше пресветлое яко зеницу ока, ибо не воздремлет и не уснет храняй Израиля. Кто изрече: Во мнозе совете спасение, — Вашему же пресветлому величеству несть тебе множайшаго совета над совет Бога Спаса нашего, иже разоряет совети языков и отметаает совети князь, совет же его Господень во веки пребывает. Поучает Ваше пресветлое величество. Мудрости имя носящую, писание святое: Совет всегда от мудраго поищи, во всяко время благослови Бога и испроси || от него, да пути твоя управит, и вся совети твоя в нем да пребывают. Чесого послушан. Ваше пресветлое величество о дому своем солнечном, от вышня Премудрости созданном, молишися ко Богу з единою от благоразумных и мужественных жен: Дажд слово во уста моя и в сердце моем совет укрепи, да дом твой во святыне пребывает, рекл бо еси: Святи будете, яко и аз свят есмь. Споспешествуют сей молитве Вашего пресветлого величества и все управляемый ныне мудрым твоим советом, зовуще тако: Бог отец наших да даст тебе благодать и весь совет сердца твоего своею силою да укрепит, да славится о тебе Иерусалим [весь царствующий град]* и да будет имя твое в числе преподобных и праведных. Убо егда Бог в сем солнечном дому Вашего пресветлого величества совет твой творя пребывает || всегда, то и вся благая с ним в сердце твоём слагаются, он бо есть сокровище благих, в нем вся сокровища премудрости и разума сокровенна суть.
- Повествуют о некоем неискусном зодчии, иже создав себе храмину, но сотвори ни еднанаго окна, ими же обычно дома светлость приемлют. Совершив же ту, исхождаше, имея в руку свою мех, и той отверз противу солнца, являющиеся в нем луча солнечный сокрывает, и со тщанием внося заключает двери храмины, и мя тако светлости сию исполнит. Без числа же всеу труждься, и в недоумении сый седе, вопрошен бывает от некоего мимо грядуща, что тако бедствует неуспешне? Вину же печали своей открив, прият поучение да иссечет окна во стенах храмины, и сего послушав, безтрудне света дом || свой исполн узре. Аще истинна повесть сия, при издавшем ю вера буди. Суть и ныне дома, неимушья окон добродетельных, в ня же обыкоша мехами вноситься светлости различные. Но всеу труждаются, ибо никогда сии света дом свор исполняют, никогда рачением пристрастей мирских удовлетворяются, мняще себе свет быти — тма суть. Ваше пресветлое величество достойно и праведно нареци домом солнечным, светлости истиннаго солнца Бога наполненным, в он же не мехами вносят светлость, не желанием в мале светящихся, а вечно во тме нечезнущия пребывающих, суетствии исполняют, но яко от премудраго тектона во дом премудре созданный окнами входит свет благодать божия, яже
- Псалом 20
Глава 3
Притчи, гл. 9
Глава 6
Псалом 75
Притчи, гл. 2
Псалом 120
Притчи, гл. 11
Товия, гл. 4
Юдифь, гл. 9
1. Петр, гл. 1
Юдифь, гл. 10
гл. 2
Ионанн, гл. 1

* В тексте квадратные скобки.

всегда во тме светится, и тма его не обят.

Плениуш,
КН. 37, гл. 22

|| Окна обычне от стекла сотворенны бывают; добра ко видению есть вещь стекло, добрейшая же кристалль: аще бы крепость красоте их соединенно, дражайшие сосуды стекляные или кристаловые паче серебряных и золотых обретоша бы ся. Обоя же сия откуда исходят? Стекло обычне делают с пепла, но от тако пренебрегающей вещи изрядное то устрояют дело. Кристалль же бывает от леда и снега, иже на высочайших горах множеством времени тако твердо является, яко и во камень претворится сему. Отнюду же Людовик князь Матуанский, хотя явити како на победу врагов много может терпение, повеле паписати на деки сосуд кристалловый и выше его словеса: «От леда бех кристал». И кто надеял бы ся, яко от воды и от || снега сице твердая и красная рождается вещь? Кто бы изрек, яко от пепела, худыя отнюд вещи, чудное бывает стекло? Вся же сия огонь делает. Егда любве божия огонь в сердци смиренном Вашего пресветлого величества водворися, от пепела сего от нижайшего смирения творит пресветлое стекло. Сосуд же от стекла аще и немощный зрится, но светле соделанный в чести людстей бывает; Ваше пресветлое величество не от светлаго точию, но от пресветлаго стекла царского пресветлого величества дому сосуд в честь созданная, в чести еси яко дщи царска не токмо у человек, но и у самага Бога: Дщеры бо царей в чести твоей, глаголет ко Богу царствующий пророк.

Псалом 44

О глубина премудрости божия! Яко в том немощном стекляном сосуде сокрывает неизреченный своя дары; || zde положенна вера твердая, любовь ко Богу и ближнему теплая, надежда непоколебимая, разум аггелский, благодать неизреченная, смирение глубокое, богомыслие выспр возносящееся, правление царствия полезное, промышление общих добр неленостное и вся известно добродетели, о них же достойно ко Богу рещи: «О глубина премудрости твоя». От того ж стекла смирения Вашего пресветлого величества, со иними примешенными благими делы, огнем любви божией претворенного, имашы окна в дому своем, вводящие свет благодати вышняго вон, но кто доволне добродетелей твоих окна исчисляет? Егда и сама не весть шуйца твоя, что творит десница твоя; единою прещедрою милостиною, ю же нещадне от сокровищ своих царских всем подаваешы, || премногни лучи милости божия в дом душевный Вашего пресветлого величества входят. Яковую милостиню паче инех добродетелей не аз возношу, но Златословный учитель, глаголя сице: толика есть милостини крепость, яко и о приразившихся евреом: молиться, и о согрешивших. Тая растерзает узы, раздрешает тму, нраво[у]чение, погашает огонь, умерщвляет червие, отгоняет скрежет зубовный, сей со 32 мною свободою небесныя отверзаются врата. И яко же царици восходящей, ни един от стражей иже над дверми учиненных, смеет истязати: кто есть? И откуда? Но вси абие приемлют ю: такожде и милостиню, царица бо есть во истинну человеки подобный творящи Богу: будете бо рече щедры, яко же и отец ваш небесный щедр есть, пернатая есть и легкая, криле имать золотые, летание имущи || велми веселящее аггели. Ту рече криле голубине посребренне, и междорамия ея во блещании золота, яко же голубица некая золотая и жива сущи летает. О! Аще такова есть по Златоглаголиваго словесем милостиня, во истинну исполнь светлости Дом душевный Вашего пресветлого величества от сего единого окна, прелично рещи, есть то Дом солнечный.

Златоуст: на
пос[лание] ко
евреом:
нраво[у]чение,
32

Лука, гл. 6

Псал[ом] 67

Глава 60

Пишет боговидный Исаия о некоем доме, от уст Господных глаголя: Дом молитвы моя прославится, неции же яко облаци плывут и яко

голуби со птенци своими. По Иеронимову же переводу читается: яко голуби ко окнам своим. Все во всех своих нуждах яко голуби ко окнам щедрот Вашего пресветлого величества солнечного дому прилетают, и никто же притекаяй посрамлен отходит, но, прося благодати, || приемлет дар. Паче же всех високопарящий Орел преславныя державы Российской, от естества своего желая на свет солнечный смотрети, ко сему солнечному дому Вашему пресветлому величеству обращает свои очи и неситне лучами Премудрости и разума твоего насыщается. Царя епиротаров именем Пирра, ради дел храбрственных, благополучие и скорее скончавающихся, нарицаху Орлом. Он же, похвалу сию восписуя воино своим, рече: Вамы аз орлом есм и имам сию славу; ваши оружия аки криле в толикую мя честь возносят. Сугубоглавнаго Великаго государства Российскаго Орла суть две главы Пресветлые государи наши цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия Малыя и Белья России самодержци, их же Бог в Тронци сла||вимый Трема венча венцами. Криле же сего — суть благоверные государине царицы, благородные государине царевны, иже возносят его славою добродетелей в поднебесную. Но очеса своя Орел тот Российский безпрестанне на солнечный дом, аки на самое по свойству своему солнце, на Ваше пресветлое величество обращает и светлостию Богом данная ти мудрости и разсмотрения увеселяет свое сердце. О сем Дому всем сподоблшимся превеличайших благодатий Вашего пресветлого величества мощно со Царствующим пророком вопити: Исполнихомся во благих дому твоего!

Иеремия,
Гл. 9

Егда смерть в Пресветлый Дом великих государей наших их царского пресветлого величества яко окном вниде, по словесех пророк вниде смерть по окнах наших и похити от нас блаженный памяти боженю милостию великаго || государя нашего царя и великаго кня; Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, аз, недостойный богомолец Вашего пресветлого величества, многочастне и многообразие премногия его блаженной памяти великаго государя сподоблшийся милости и словес от уст царских [яко зело приступен бе и милостив всем монарха]* удостоивыйся слышати, зелны неутолимым рыданием отшествия его рыдая, написах о преставлении его царского пресветлого величества Плачь. Обаче понеже суть блаженн мертвии, умирающий о Господе, и он, в Бозе почивший царь, яко нес; мнение ради добродетелей своих и ради болезней, яже в временном се житии благодарно претерпе, сподобися неболезнен||наго вечного блаженства и безкопечное со Христом улучи царствие, тако и плакати о нем уже не достоин, того ради присвокупих в сию малую книжицу и Утешение. Ю же, аще и темным малоумением моим написах, ко пресветлому Дому Вашему пресветлому величеству принося, надежду имам, яко Ваше пресветлое величество Премудростию своею, от Бога в имени деле тебе данною, покрывши простоту и неведение, обретшееся в писании сем, последуя мудрому царю македонскому: ему же егда некий препрост и неискусен, написав похвалу множеством вершов, вручи, повеле философом своим изследовати, коего воздаяния будут достоинь прочетше же вся, обретоша безчисленное множество худосложных стихов, и, посмеивающеса, || издаша суд таковой: колико добрых разумне сочиненных в книжици его явится вершов, толико

* Так в тексте.

милости царскою призрен будет, за худия же и недобре краселоженные, по числу их палицами язвы да примет. Предстоящу же тамо писателю тому в недоумении велице бывшу, премудрый царь утешеса и повеле его по суду философов яко за добрыя, тако и за злыя вершы царски ударствовати, изрек сице: Не труды его, но доброе намерение мздовоздаю. Ибо аще бы лучше умел, лучше бы и написал, понеже неленостен бысть. С таковою и аз, препростый, надеждою непотребные и худые сие труды и самаго себе под ноги Вашему пресветлому величеству превеличайше и премногомилостивой благодетельки всемирно повергаю.

Приложение

А.П. Богданов

Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г.

Историко-культурные проблемы общественной жизни России последней четверти XVII в., периода, во многом переломного, привлекают в последние годы все большее внимание исследователей самого различного профиля. Среди выдающихся людей этого времени выделяется трагическая фигура Симеона Агафонниковича Медведева, в монашестве Сильвестра (род. 27 января 1642, казнен 11 февраля 1691 г.), заслужившего уважение современников и потомков острым логическим умом, обширными знаниями, твердостью политической позиции, писательским талантом и зорким взглядом историка, многократно оклеветанного и, наконец, главоотсеченного происками «святейшего» патриарха Иоакима. Сочинения Медведева вызывают самый широкий интерес, особенно литературные произведения, характеризующие развитие так называемой «придворной» поэзии и прозы в стиле барокко, определенного Д. С. Лихачевым как «мост между древним и новым периодом в истории русской литературы».ⁱ Впервые публикуемое здесь сочинение Медведева представляет собой не только памятник литературы, но и важный источник политической истории, проливающий свет на одну из острейших схваток за власть в верхах господствующего класса накануне петровских преобразований.

Ускользнувшее от внимания ученых сочинение Сильвестра Медведева было обнаружено при обследовании рукописей Петровского собрания БАН, в число которых попали остатки библиотеки царевны Софьи Алексеевны.ⁱⁱ Сочинение помещено в качестве предисловия к одному из двух имеющихся в БАН экземпляров хорошо известного «Плача и утешения двадесятма двема виршами» на смерть царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.), сразу же после заглавия и эпиграфов, перед одинаковым в обоих списках обращением «К читателю».ⁱⁱⁱ Оно занимает полных 8 листов (16 страниц) в 2°, писанных красивым полууставом.^{iv} Оба экземпляра «Плача» списаны на одинаковой прибалтийской бумаге конца 70-х—начала 80-х годов XVII в.^v с одного протографа. Сходство рисунков заставки также убеждает нас в том, что списки изготовлены одновременно. При этом один экземпляр оформлен богаче другого: его картонный переплет обтянут зеленым сафьяном с золотым тиснением и завязан красивой красной с золотом ленточкой, заставка раскрашена, в то время как обложка второго обтянута черной

бумагой, лента простая, заставка черно-белая, а текст вместо полуустава писан четкой скорописью. Дополнительное сочинение — обращение к царевне Софье, написанное прозой в форме похвальной рацеи, — помещено в более богатом экземпляре.

Представляется важным вопрос, каким образом обе рукописи попали в состав Петровской библиотеки. После ареста Медведева осенью 1689 г. на его «животы» наложил руку патриарх.^{vi} Библиотека и архив Сильвестра были описаны,^{vii} попали в патриаршую ризницу^{viii} и сейчас находятся в Синодальном собрании Государственного Исторического музея.^{ix} Автографы Медведева имеются и в других хранилищах (ЦГАДА, ГБЛ, ГПБ, БАН), а списки его сочинений встречаются повсеместно; однако не входящие в Синодальное собрание автографы и те списки, которые, вероятно, принадлежали Сильвестру (включая и не его сочинения), либо раннего происхождения, либо восходят к оставшимся после его ареста на Печатном дворе, где он работал справщиком. Другими словами, мы можем довольно уверенно предположить, что сочинения Медведева (кроме разошедшихся во время его длительного отсутствия в Москве в 70-х годах, оставшихся в справщицкой Печатного двора и конфискованных патриархом в Заиконоспасском монастыре)^x были им самим опубликованы. Установив маловероятность того, что списки БАН попали в библиотеку Петра из архива арестованного Сильвестра, мы можем заключить, что перед нами — поднесенные автором экземпляры.

Это предположение подкрепляется следующими соображениями. Во-первых, нет оснований считать, что в отличие от других рукописных панегириков написанный для царской семьи «Плач» распространялся в Москве и мог быть, как многие царские книги, куплен в Овощном ряду или на Спасском мосту. Во-вторых, по оформлению и письму они схожи с подносными экземплярами других современных панегириков Петровского собрания БАН.^{xi} Таким образом, можно считать, что оба списка выполняли основное назначение сочинения — поднесение его родне почившего царя.

Остается выяснить вопрос, кому и когда были поднесены списки. Логично предположить, что они были вручены царям, к которым главным образом и обращен «Плач». В соответствующей части Петровского собрания БАН имеются рукописи, поднесенные как двум царям — Иоанну и Петру, так и царевне Софье, причем количество последних за 1682—1689 гг. даже превышает число подаренных царям.^{xii} Это объясняется тем, что в период регентства царские рукописи (особенно принадлежавшие Петру) хранились менее бережно, чем царевнины: пропала, например, немалая часть поднесенных Ивану и Петру сочинений Кариона Истомина, известных в автографах.^{xiii} Поэтому весьма вероятно предположение, что один из экземпляров «Плача», именно тот, в котором помещен панегирик Софье, принадлежал Софье Алексеевне, тем более что в этом собрании сохранилось еще одно из произведений Медведева, поднесенных им царевне.^{xiv} Другой список мог быть подарен либо двум царям вместе, либо одному из них. Появление нового сочинения, таким образом, объясняется необходимостью выделить Софью в предназначенной для вручения ей книжке, поскольку в самом «Плаче» Сильвестр обращается к ней наравне с другими царевнами.^{xv}

Сочинение «Плача» датируется весной-летом 1682 г. Если начало

работы над сочинением, призванным почтить память царя и утешить его родственников, можно отнести к концу апреля (после кончины Федора 27 числа «перед вечерами»), то окончательный вариант текста, посвященного, среди прочих, двум царям, не мог появиться ранее 26 мая, когда на царство, кроме Петра, был наречен и Иван Алексеевич. Однако если учесть неустойчивое положение обоих царей до их коронации 25 июня, вероятнее предположить, что «Плач» был составлен позже этого события. Поскольку поднесение сочинений подобного рода никогда не задерживалось более чем на 1—2 месяца после события, к которому приурочено, можно смело утверждать, что оба экземпляра были переписаны и поднесены в июне-июле этого года, в период временного «утешення» восстания, до того как правительству пришлось спешно покинуть столицу. Из известных сочинений к этому периоду относится только «Изъявление краткое меростихосложенно на военчание царскими венцы... Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича...», поднесенное Карионом Истоминым к 25 июля 1682 г.; царица Софья в нем не упоминается.^{xvi}

Похвальная рацея озаглавлена: «Божиею милостию великой государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевны, всея Великия и Малыя и Белья России». Обращаясь к Софье Алексеевне, Медведев утверждает в зачине, что высший смысл существования состоит в поиске совершенства. Подразумевается, что Софья и есть совершенство. Она превосходит в этом бессмертную славу Александра Великого, который, не удовлетворись благополучием власти над «широким кругом земным», неуклонно стремился на поиски «солнечного дома» — обители богов. Сообщая это известие, по мнению автора легендарное, он логично переходит к формулировке темы, раскрытию которой будет посвящено дальнейшее повествование. «<...> Аз дерзаю рещи во истинну, — говорит Сильвестр Софье, — яко делом самем в респоту и во правду Ваше пресветлое величество есть *дом солнечный, жилище солнца истиннаго Христа Господа*, не на земли пристрастия временнаго, но на лучах того ж самого солнца содержащийся, на востоце благих дел, никогда же запада греховнаго ведущем, утвержденный». Нашему современнику логичнее было бы перейти к эпитетам прямо от слов о совершенстве царевны, и длинная фраза о судьбе Александра может показаться «украшением, имеющим чисто орнаментальное значение»,^{xvii} однако литературным каноном, основой схоластической логики и в немалой степени способом мышления^{xviii} в исследуемое время была именная (номинативная) ассоциация, которую блестяще использует Медведев, проводя читателя от совершенства Софьи к славе искавшего совершенство Александра, чья мечта не «баснословием витийским», а «богом истинным» воплощена в царевне.

В следующей за экзордиумом нарративной части Сильвестр прежде всего дает буквальное истолкование смысла поставленной темы. Начав с многозначительной игры слов — «дом» создан тем вышним архитектором, о котором на земле говорили: «не сей ли есть Иисус, сын Тектопов» (т. е. сын плотника Иосифа, — Лк 4, 22), — автор на основе буквального чтения имени Софьи (софия — мудрость; греч.) заключает, что «дом» создан *премудро*. Последнее позволяет привлечь для описания созданного Христом «дома» сразу несколько посвященных Премудрости библейских текстов (Притч 9, 1; Быт 28, 17; Сир 24, 14—15). Приводя эти тексты, Сильвестр на полях рукописи дает ссылки на источники,

являющиеся одним из элементов своеобразного «эзопова языка», использованного панегиристом для передачи и одновременно маскировки политического содержания своего сочинения.

Вслед за тем раскрывается моральный смысл отождествления царевны с «солнечным домом». Подходящая евангельская цитата: «Аще кто любит мя (говорит Христос), слово мое соблюдает, и отец мой возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим» (Ин 24, 23),— дает автору возможность заключить, что благодаря душевным качествам Софьи «дом» есть обитель Бога. Риторическим вопросом «что же творит в дому том Бог» Медведев вводит в текст понятие «Совета», которому затем дает развернутое буквальное толкование, используя значительное число библейских цитат.

Далее в наррации толкование темы развертывается аллегорическими и аналогическими средствами, соответственно принятой традиции составления «казанья», которой, как легко было заметить, С. Медведев придерживается с самого начала рацеи.^{xix} Он излагает притчу о доме без окон, в который свет пытаются вносить мехами. Мораль проста: «Суть и ныне домы, неимущья окон добродетельных, в ня же обыкоша мехами *вноситися* светлости различные. Но всуе труждаются, ибо никогда сии света дом свой исполняют, никогда рачением пристрастей мирских удовлетворяются, мняще себе свет быти — тма суть»; Софья же — «дом солнечный» с распахнутыми для добродетели окнами, и благодать в нем «светится, и тма его не обят».

Окна обычно сделаны из стекла, замечает автор и переходит к новой притче — о происхождении стекла и хрустала. Материалы это замечательные, пишет Сильвестр, и если бы крепки были, то сосуды из них ценились бы больше золотых и серебряных. А ведь происходят они из вещей пренебрегаемых: стекло выжигается огнем из пепла, а хрусталь есть от времени окаменевший горный лед (Плиний, кн. 37, гл. 22). Людовик Мантуанский изобразил на гербе хрустальный сосуд как символ необходимого для победы упорства. Из пепла царевниного смирения «любве божия огонь <..> творит пресветлое сткло. Сосуд же от сткла, — заключает Медведев, — аще и немощный зрится, но светле соделанный в чести людстей бывает»; к тому же, по словам Давида, царские дочери в чести у Бога (Пс 44).

В «немощном», но закаленном смирением сосуде — Софье Алексеевне — скрываются «дары» божией Премудрости (добродетели по Исайе), делающие его драгоценным. Они являются источником дивного света, исходящего из «Солнечного дому» через чудное «сткло» царевниного смирения. «Милостиня» — лучший из этих даров (Лк 6, 21; Пс 67; Ис 60,8); уже благодаря одному этому качеству Софья «во истинну <..> есть <..>дом солнечный». К окнам царевниной добродетели обращаются «все во всех своих нуждах». «Паче же всех високопарящий Орел преславная державы Российская, от естества своего желая на свет солнечный смотрети, ко сему солнечному дому Вашему пресветлому величеству обращает свои очи и неситне лучами Премудрости и разума твоего насыщается», — говорит Софье Сильвестр.

Оставаясь в русле типичной для «казанья» именной ассоциации, автор сообщает в конклюдии историю о полководце Пирре, по прозванию «Орел», который воинов называл «крыльями» своими. Эта притча понадобилась автору для логичного перехода к построению завершающей толкование темы общей аналогии, которая главным

образом и раскрывала положение адресата в формальной структуре верховной власти в современных панегирических сочинениях.^{xx} У «сугубоглавного Великого государства Российского орла» две головы — это два царя, а крылья — царицы и царевны вкупе, «иже возносят его славою добродетелей в поднебесную. Но очеса своя, — заканчивает толкование темы Медведев, — Орел тот Российской безпрестанне на солнечный дом, аки на самое но свойству своему солнце, на Ваше пресветлое величество обращает и светлостью Богом данные ти мудрости и разсмотрения увеселяет свое сердце».

Перейдя от основной части панегирика к концовке с помощью дополнительной интерпретации аллегории окна — «вниде смерть по окнах наших» (Иер 9), Сильвестр объясняет построение «Плача и утешения» в заканчивает рацею (приближенную таким образом к формуляру предисловия) историей из жизни Александра Великого, велевшего наградить «неискусного» поэта не за труды его, но за доброе намерение. Последняя фраза сочинения содержит традиционную просьбу автора о милостыне.

Таким образом, обнаруженный в ВАН панегирик царевне Софье представляет со поднебесную. Но очеса своя, — заканчивает толкование темы Медведев, — Орел тот Российской безпрестанне на солнечный дом, аки на самое но свойству своему солнце, на Ваше пресветлое величество обращает и светлостью Богом данные ти мудрости и разсмотрения увеселяет свое сердце».

Перейдя от основной части панегирика к концовке с помощью дополнительной интерпретации аллегории окна — «вниде смерть по окнах наших» (Иер 9), Сильвестр объясняет построение «Плача и утешения» в заканчивает рацею (приближенную таким образом к формуляру предисловия) историей из жизни Александра Великого, велевшего наградить «неискусного» поэта не за труды его, но за доброе намерение. Последняя фраза сочинения содержит традиционную просьбу автора о милостыне.

Таким образом, обнаруженный в **ВАН** панегирик царевне Софье представляет собой похвальную рацею, написанную по принципам составления «казанья» как предисловие, что само по себе не является необычным для русско-украинской литературы второй половины XVII столетия. Вместе с тем публикуемое сочинение представляет интерес для читателя как яркий образец барочной политической публицистики, в условиях острой политической борьбы конца XVII в. отличавшейся усложненностью сюжетного построения и аллегорического языка, притом однако, что изложение основной мысли было ясным и конкретным для посвященного читателя. К сожалению, недостаток места вынуждает отказаться от мысли раскрыть во вводной статье существо использованных Медведевым приемов. Анализ литературных средств, с помощью которых автор скрыл от врагов политическое содержание своего сочинения, и переводу на язык современных понятий идейного смысла похвальной рацеи будет посвящена особая статья.

Созерцания кратко

<...>Того же 7190(1682) лета, во время зимнее, начаша люди зело ради неправд и нестерпимых обид себе стужати¹ друг на друга глаголати яко: той неправду деет, иной — на того, наипаче же — на временников, и великих судей, и на начальных людей, яко мздоимательством очи себе послепили. Яко же пишется: «Мзда ослепляет очи и премудрых». Тако и тогда всюду не точию в мужех, но и в женах словеса от обид и в неполучении правных дел всюду происходили.

Инии же ближний предстатели² точию вымышляли ими мнимое «разумно» сами, а не многих людей советом. И презирая искусных, мудрых и в старости сущих людей, всякия новые дела в государстве, и чины в даянии чести, и суды иночиновны во гражданстве покусишася вводить, иноземским обычаем подражающе. Забывше писанного, яко во мнозе совете спасение, и презревше не от коего³ мужа мудра — на вопрошение великого и мудраго г. ц. и в. кн. Алексея Михайловича во 173(1665)-м году — «О хотящих быти во гражданстве» ответе: яко в гражданстве имут быти тайная скипетров похищения, смерти — яко естественные, тако напрасные — людей вельможных, им же последуют великия молвы, и смущения, и различная постановления уряду гражданского неновистная и в понос, и укоризну висящая законоположения, добрых обычаев смущения и мерзских прозябения; и для того великия будут сеймы многонародныя и частвительныя — Бог да избавит — да некое злое определенное оттуду выскочит; и сим вельможам, бояром, начальником пагубно будет; где будет суд, и правда, и брани не оскудеют.

Подданные востанут против правителей своих за то, что сердца их суть опечалена и тоскою наполнена. Хотя вельможи неции о успокоении уставительном и помыслят, и всякую жилу натянут, чем колеблемый он народ успокоится могл бы, — обаче⁴ мало помогут. К сим будут сонмища. Казны истощатся. И котории мучителии зелне⁵ возсвирепеют — погибнут; Бога же чтущии соблюдутся. Сие предусмотрение сотвори он [доктор Андреас Энгельгардт] от великого случения высочайших небесных планид Сатурна и Иовиша (Юпитера).

Вопрошение было у мудрых сицево (таково): «Которым делом смута и мятеж в государстве делается?»<...>

К святейшему же патриарху в той день многими стами прихождаху во всем оружии и грозяху не токмо его домовым служителем, но и самому копиями и бердыши, чтоб выдал изменников, у него на дворе хоронящихся, которых ни единого не было. И всюду по погребам, и по местам всем, и по сундукам, и по постелям непрестанно, и по подмосты⁶ искали.

Не обретше же в доме его никого, паки пришедше выборны(е) их о том же вопрошаху святейшаго патриарха. Он же изрече, во омофор одянный [яко ждый по их свирепству смерти]: «Ей! Несть у меня в доме никаких изменников!» И оттоле престаша ходити и стужати⁷ ему.

¹ Раздражаться, досаждать (здесь и далее в подстрочных примечаниях – пояснения составителя сборника «Россия при царевне Софье и царе Петре 1»). См. Комментарии.

² Царские приближенные

³ От некоего

⁴ однако

⁵ особенно

⁶ под лестницами

⁷ досаждать

Во утрие же в 17-й день месяца мая, вооружившися яко и прежде, приидоша зело в ярости велице, чтобы государь царь Петр Алексеевич, а государыня царица Наталия Кириловна боярина Кирила Полуехтовича, отца ея государыни, Нарышкина, да брата ея, государыни, боярина и оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, да **доктора Данила Фунгаданова, родом жидовина**, выдали им предати ругательной смерти.

Ох, беды! Увы, жалости! Пред очима отцевыма детей убивают! Пред очима же детей отца страшной и мучительной смерти предати хотят! Не болезнь ли? Не мука ли? Они же, служивыя, все стояще пред Красным крыльцом, неотступно просят и грозят не дати хотящим такую же де смертью, и паки в Верх хождением, и многих побиением.

Видевше же их народное упорство, выдаша им боярина Иоанна Кириловича Нарышкина, его же они злии мужи зверски похвативше отнюдь немилосердо пытали пытками страшными. И пытаного нагаго из застенка вывели на Красную площадь, поставя его меж мертвых посеченых телес стояща, обступя вкруг, со всех стран вкупе копиями збодоша (пронзили), и оными подняли кверху, и опустя, руки, ноги, голову обсекли. И голову вонзоша на древо высоко, все же тело его в мелкие частицы изсекоша.

Таже доктора Данила, иже в крещении Стефан бе, взявше, в застенке крепко пыташе, биша в три кнута, купно и огнем жгоша. И потом такожде выведше на Красную площадь изсекоша в мелкие части.

Болярина же Кирила Полуехтовича, ради величайшаго прошения и многих слез, едва от горькия смерти свободиша. Но взявше его с Верху, привели со многим караулом в Чюдов монастырь. И по обычаю монашескаго чина постриже его Чюдова монастыря архимандрит Андреем, и нарече его Киприяном. И наутрне взявше его из монастыря Чюдова послаша жити в Кирилов монастырь на Белоозеро.

В тья же дни и инии простолюднии разных чинов посечени быша, ибо они, **служивыя**, поставиша между собою завет, да никтоже где грабительством возьмет чьих себе животов. Того ради в то время где кого поймают какую вещь несущаго — абие на площади умершвляху посечением. А служивых, кто где что похитит — то пропадет.

И оная Красная площадь исполнена была мертвых посеченых телес. И лежаху немалы дни, не смеяше же никто и сродники взяти родителей своих телес в предания погребения. Все бо они, служивыя, приивше в крови дерзновение, возсвирепели тако, яко никому же дающе с собою и глаголати.

И начаша по торговым погребом пить и бражничать, и по граду ходяще без всякого опасения з женами, кричать и нелепая словеса глаголати. И вымыслиша в тое время стрельцы себе называтися государевою надворною пехотою, а не стрельцами.

Видевше же их, служивых, такую дерзость, сродники и дети побиенных людей, и приказные люди, и судьи, и подъячие с Москвы разбегошася, кто где от попущеннаго гнева Божия скрытися можаше. Иных же, изымавше, в ссылку в дальние места ссылали.

И тшахуся безумнии и глупии государством управлять; не ведуще, яко по словеси любомудрых, буих и в разуме непостоянных совет никогда же состоится. Тогда бо поистинне видети бысть ослабление рук у всех людей, яко несть помогающаго и к полезному укрепляющаго. Мало бо не вси и **приказныя судилища** опустеша безлюдством.

Бог же премудрый за безмерную свою благость никогда же

рода человека [еще и наказует, но милостию, яко отец] оставляет без промысла своего: ни царства коего, ниже малыя горсти персти земныя, — яко съи все в себе объем и в длании своей концы земныя содержит, — благоволи в промысле своем удивляти люди, да и не надеющийся, надежду имейте, возглаголют, яко есть Бог, сотворший вся и онсю тварию промышляяй, яко и в древния роды, чудодетельствуя, премудро воздвиже во Израили пророчицу Девору в судиах, и во спасение людем израиленным от иноплеменник праведную Июдифь, от мидян мудрую Есфирь, и в царствующем Константинополи во дни царя Феодосия юнаго во управление сестру его едиnorodную философствующую царевну девицу Пульхерию, яже не токмо в гражданских делах пособствовала брату своему царю Феодосию, но и всей церковной православной полноте на третьем и четвертом соборех, яко истинная церкве святых дщерь, помощь и пособие творила.

Тако и зде, в такое бедственное и мятежное время, по благоволению своему правитель всеа вселенныя всехитрый Господь и Владыка, к пособию правления царства благочестивейшаго г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича (т), в юных его государских летех, воздвиже сестру его государеву благородную и премудрую милосердную великую государыню царевну и великую княжну Софию Алексеевну.

Ей же даде чудный смысл и суждение, яже тщание в девственной чистоте ко вселюбезному творцу своему и Богу неусыпным сердца своего оком непрестанно творяще. Желаяще вечнаго с ним в прекрасном горнем всевеселом Иерусалиме пребывания. К сродному господства своего российскому народу человеколюбием склонившись, велим труд, оных служивых от Бога дарованными мудрыми и благоуветливыми словесы уговаривающе на кийждо⁸ день, подьяша. Дабы они паки мирно по прежнему жили, и дабы верно государем своим служили, и страхов, и всполохов, и обиды бы дерзостию своею никому не творили.

И тогда только, что они еще и непотребное говорят, обаче чтоб их слушати — и презде места не даяху⁹, понеже большая часть не наказанных поселян¹⁰ в них. К тому же пьянии — старых людей не слушаша.

Видевше же благоверная государыня царевна такое их неукротительство, чтоб они усмирились пожаловала государскою их милостию. Всем служивым: салдацкому полку, что на Бутырках, и стрелецким — всякому человеку по списку, мал ли, или велик — по десяти рублей человеку. А на тот тако великий расход, за неимение (м) толикого множества в государской казне денег, указала на ту дачю имати с патриарших и со властелинских¹¹ крестьян, и с монастырских, и з боярских, и с приказных людей по окладом, з дьяков и подьячих. К сему и убиенных и ссылочных людей животы они имали и продавали.

И того им всего не достовало для того, что они еще сверх того государского жалованья, что им дано по десяти рублей человеку, начали за служенные годы лет за двадцать и за тридцать имать жалованье. Им же в том взятке способства чинил в Стрелецкой приказ посаженный боярин князь Иван Андреев сын Хованской, о его же коньчине ниже повествоватися имать.

⁸ каждый

⁹ однако слушать их — значит правде места не давать

¹⁰ незаконно записанных в стрельцы крестьян

¹¹ церковных

И тем неправедным взяткам зело они, служивыя, людей во всем государстве ко оскорблению привели. И те взятыя деньги едва кто у себя служивой оставил или (на) какую нужную потребу истощил, но на питиях по кружалам¹² и в погребях изнуриша¹³. Она же, благоверная в. г. ц. и в. кн. София Алеекеевна, призывающе служивых из выборных их людей, благоразумным своим и мудрым приветом уговорила, чтобы мертвых изсеченных многое время лежащих на площади телеса, и возмердевшися уже, свесть и похоронить. И по ея, государыни, благоразумному глаголанию оное дело вскоре сотворнея: телеса побиенных с площади свезены и погребены быша от сродников их.

И кто бы, на оное плачливое тогда позорище¹⁴ изшед, идеже труппе таких в государстве лежаше славных мужей, отнюдь и ближайшими своими сродичи не познаваемы, зане не токмо плоти, но и кости их изсеченные, с перстию¹⁵ смешенныя, узрев, не восприял плача и его словес, яко же плака Иерусалима пророк Иеремия?! И не токмо оных побиенных, но воистинну и весь человеческий живот оплакивал<...>

И государи, и государыни царевны **те слова** слушали радостно. И великий государь и государыни царевны изволили говорить: «Дай Боже смирение; а тому де быти мочно, чтобы г. ц. и в. кн. Иоанну Алеекеевичи) **(т)** на своем отеческом престоле быти первым царем». И тех выборных за те слова милостиво похваляли.

А как де будут из ыных государств послы, и к тем послам выходити брату их, в. г. ц. и в. кн. Петру Алеекеевичи) **(т)**. А в наступление от окрестных государств на Московское Российское государство неприятелей — и противу неприятелей войною итти мочно в. г. ц. и в. кн. Петру Алеекеевичи) **(т)**. А в Московском государстве правити г. ц. и в. кн. Иоанну Алеекеевичи) **(т)**.

И он, великий государь, против тех слов изволил говорить: «Желанием того, чтоб быть ему великим государем царем, не желает — в том буди воля Божия, что Бог восхощет, то и сотворит». И государыни царевны против того изволили говорить: «В том де воля Божия есть и впредь будет!» А они де, выборныя, не собою то говорят, но Божие о том изволение, и Богом они в том наставляеми.

И майя в 26 день выборные всех полков, и салдаты, и гости, и **гостиной, и суконной, и черных сотен** и слобод за переградю ожидали государского указу. И того ж числа в. г. с. Иоаким патриарх московский и всеа Росии со преосвященными митрополиты и со всем освященным собором, и бояря, и окольничие, и думные люди пришли в Грановитую полату. И о том, чтоб в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алеекеевичи) **(т)** быть на Московском государстве на отеческом престоле первым царем, а брату его в. г. ц. и в. кн. Петру Алеекеевичю) **(т)** — вторым царем, советовали.

И советовав, стрелецких и салдацких полков выборных, и гостей, и гостиной сотни, и чернослободцов призвали в Грановитую полату, и их намерение, а свой совет им объявили. И выборные всяких чинов люди, слыша про то, радостно сказали, что они им, в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алеекеевичю, Петру Алеекеевичю) **(т)** служить, и радеть, и всякого добра хотеть, и прямить, и за дом пресвятыя Богородицы, и за их, великих государей, многолетное здравье, и за православную христианскую веру

¹² кабакам

¹³ истощили

¹⁴ плачевное зрелище

¹⁵ с прахом

стоять, и против их государских неприятелей головы свои положить ради так же, как служили деду, и отцу, и брату их, великих государей, предки их и они.

И бояря, и окольнічія, и думные люди, и весь царской сингклит, и выборные всяких чинов люди в том при святейшем патриархе и при освященном соборе учинили веру и целовали крест. И в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (т) из своих государских хором изволили итить в соборную и апостольскую церковь Успения пресвятыя Богородицы к молебному пению, чтобы за помощию всеильнаго Бога, и предстательством христианския надежды и заступницы пресвятыя Богородицы, и всех святых молитвами в Російском государстве было умирение мира и всякое благоденствие.

И после молебного пения им, великим государем, святейший патриарх со всем освященным собором, и бояря, и окольнічье, и ближние люди поздравляли. И из соборной церкви великие государи в свои государские хоромы изволили итить шатровую лесницею. И в то время московских стрелецких и салдацких полков выборные, и гости, и гостинои сотни, и чернослободцы им, великим государем, поздравляли же. И великие государи московских и салдацких полков стрельцов и салдат пожаловали: велели их поить и кормить по два полка в день; да им же сказано, чтоб они были готовы к руке¹⁶ по два ж полка в день.

И по сем, якоже прежде салдаты и стрельцы усуетоваше о прощении правления Російскаго государства благоверной премудрой г. ц. и в. кн. Софии Алексеевне, тако и сотвориша. И по оному их благому совету и тщанию сотворися, а како то бысть и чесо ради, — и о том изъясляет писание в Розряде в записной того года книге сиче:

«190(1682) года апреля в 27 день по воли всеильнаго Бога в. г. ц. и в. кн. Феодор Алексеевич (т), оставя земное царство, преселися в вечное небеснаго царствия блаженство. И по отшествии его государеве от сего света ко оному некончаемому блаженству, благоволением всемогущаго Бога и его святою помощию на прародительском Російского царства престоле учинилися и державу обще восприяли братия его государевы, в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (т).

И советовав они, великие государи, с матерью своею, с в. г. ц. и в. кн. Наталиею Кириловною, и с своими государскими тетками и с сестрами, з благородными государынями царевнами, также о Святем Дусе со отцем своим и богомольцем в. г. с. Иеакимом патриархом московском и всеа Росии и со всем освященным собором, и говоря с своими государскими бояры, и с окольнічими, и з думными людьми, и по челобитью их и всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей, изволили великого своего и преславнаго Російского царства всяких государственных дел правление вручити сестре своей, благородней г. ц. и в. кн. Софии Алексеевне, со многим прощением, для того что они, великие государи, в юных летех, а в великом их государстве долженствует ко всякому устройению многое правление. А ея, великую государыню, благоволила Божия Премудрость упремудрити паче инех, и кроме ее правити Російское царствие никому невозможно.

И при том их, великих государей, изволении и прощении о Святем Дусе отец их и богомолец в. г. с. Иоаким патриарх московский и всеа

¹⁶ к аудиенции

Росии со всем освященным собором, при многом же своем архиерейском прошении и бояр, и всех полатных, и всего Московского государства всяких чинов людей челобитье, подал ей, государыне, на то богоугодное дело свое архипастырское благословение.

И в. г. ц. и в. кн. София Алексеевна, по многом отрицании, к прошению братии своих, великих государей, и благословению о Святем Дусе отца своего и богомольца в. г. с. Иоакима патриарха московского и всеа Росни, и всего освященного собора скланяющися, и на челобитье бояр, и окольничих, и думных, и всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей милостиво призираючи, и желаючи Российское царствие в державе братии своих, великих государей, цело соблюдаемо быти во всяком богоугодном устроении и правлении, той превеликий труд восприяти изволила.

И по своей государской богоподражательной ревности и милосердому нраву изволила всякия государственный дела управляти своим государским Богом дарованным высоким разсуждением. И для того указала она, в. г. благородная царевна, бояром, и окольничим, и думным людям видати всегда свои государские пресветлые очи, и о всяких государственных делах докладывать себе, государыню, и за теми делами изволила она, государыня, сидети з бояры в полате.

И для совершенного в государственном правлении утверждения и постоянныя крепости изволила она, в.г. благородная царевна, во всяких делех во указах со имени братии своих, в. г. ц. и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (т) писати свое, Великие государыни, имя сице: «190 года, мая в 29 день, в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (т) и сестра их, великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, указали и бояря приговорили».

Потом все служивыя люди, присовокупили же к себе в челобитье и многия чины, и били челом в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алексеевичи), Петру Алексеевичи) (т). Подали челобитную глупости и неразумия полную: будто они бояр побили за дом пресвятые Богородицы, а за многия оных побиенных причины. И чтоб на знак того побиения поставити бы на Красной площади у Лобного места каменный столб, и на столбе побиенных вины и их, стрельцов, радение (старание) будущим родом в память написати. И то им ради их в то время дерзости все позволено.

Даваны же им против их челобитья во все полки государевы жалованные печатные грамоты, утишая их свирепство и дерзость<...>

И боярин князь Иван Хованской, **помогая раскольником**, будто государевым указом многожды к святейшему патриарху присылал, чтобы он с властью шел, с теми раскольники, проклятыми и от церкви отлученными, на площади о вере имел состязание, а в Верх государи ему, патриарху, быти не указали.

А по сем и сам князь Иван Хованской к святейшему патриарху прииде и государской указ ему сказал, что великие государи указали ему, патриарху, быти к ним, государем, не мешкав, а шол бы он на Красное крыльцо мимо стоящее множество тамо народа, идеже раскольники стояще дожидают на убиение святейшаго патриарха и властей.

Сие же он, князь Иван, еже на Красное крыльцо патриарху итти, поведал от себе, хотя с раскольники желание свое о убийстве исполнити. Сие же, елее святейшему (патриарху) итти к государем в Верх, содеяся советом благоверныя в. г. ц. и в. кн. Софии Алексеевны.

Того ради князь Иван Хованской, согласясь с выборными стрельцами, помышляя суетная яко в мирских вещех, тако и в церковных разнообразная злая вымышляя, — и пришед к ней, благоверной в. г. царевне, и ко всем, якобы охраняя их государское здравие, и имый стрелецкий совет тайный поведаль. А то он делал, хотя их, государей, свирепством стрелецким устрашити и свое злое намерение во всем совершити.

Благоверная же в. г. ц. София Алексеевна, благодатию Духа святого упрямудренная, уразумейте князь-Иваново лукавство и ложная его им страхования, повеле к себе тайно призвати выборных стрелецких тех, к ним же князь Иван малу любовь имеет. И государскою их милостию обнадежа, князь-Ивановы страхи предложила.

Они же, слышавше, ей, великой государыне, все по ряду: князь-Иванов совет и его умышление, — рекоша бытии. А от стрельцов николи (никогда) же таковая злая советования ниже в помышлении быша (даже в мыслях не были). Глаголаше бо князь Иван между иных своих о тайне стрелецкой доношений, яко аще государи с патриархом и со властями купно будут, то и им, государем, с патриархом от народа живым не быти. И иная многая ложная он, князь Иван, нелепая и писати, глаголаше.

И оттоле — Богу ей, великой государыне, своей избранной и на то усмирение предуготовленной, вспомагающу — восприя она, великая государыня, дерзновение велие. И всегда весь князь-Иванов с выборными его единомышленники совет тайный ведящи, и ему, князь Ивану, нача противная не яростию, но мудренною кротостию вещати и совет его отрицати. А наипаче же в сем церковном деле она, великая государыня, подья велие дерзновение.

Пред всеми бояры князь Иван ей, великой государыне, глагола, чтоб великие государи и они (царевны) в Грановитую полату с патриархом и со властями не ходили, а аще пойдут, то им от народа не быти живым. Великая же государыня царевна рече: «Аще и тако, то буди воля Божия. Обаче не оставлю я святых церкви и тоя пастыря, пойду тамо!»

И многим о том князь-Ивановым клятвам не внимаючи, и укрепися в сем, еже ей, великой государыне царевне, итти в Грановитую и патриарха не оставити. Видевше же таковое ея благодерзновение, восхотеша с нею итти царица Наталия Кириловна, и тетка ея царевна Татяна Михайловна, и сестра ея, царевна Мария Алексеевна.

Князь Иван же сие видя, яко совет его злолукавый ничтоже успевае, но яко тьма от света, тако от благоразумия благоверные в. г. царевны, аки от света тьма князь-Иванова совета исчезает, обаче еще покушашеся он чрез прошение боярское то исполнити. Глаголаше бо он бояром: «Яко аз отдаю им, великим государем, верную мою по моему обещанию службу, доносил чтоб они, государи, в Грановитую полату ради на их государское здравье стрелецкого злаго умышления с патриархом не ходили — и благоверная государыня царевна ту отрекла и мене в том не послушала, хочет итти в Грановитую полату. И ныне прошу вас: пожалуйте, попросите вы у нея, государыни, милости, чтобы она, государыня, в Грановитую полату с патриархом итти не благоволила. А естли она, государыня, и вас не послушает и в Грановитую с патриархом и со властями пойдет — то вам буди известно, что при них и нам быти всем побитым так же, как и недавними часы вашу братию побили, а дома наши розграбят!»

Они же таковая его словеса, ужаса смертного исполненная слышаще и веру емше¹⁷, у ней, великой государыни, прилежно милости просиша, дабы она, великая государыня, с патриархом и со властями в Грановитую итти не изволила и себе бы и их от напрасной смерти свободила.

Она же, в. г. царевна, ни мало прошению их внимая, яко истинная святых православных церкви защитница готова суци за ону главу сии [аще животом и смертию обладали благоволит] положити, благодарзновенно нача творити. Абие посла князь Ивана Хованского по святейшаго патриарха, дабы он со всеми властями и с книгами шел к ним, государем, в Верх. А патриарху имянно повеле, охраняюще его от возмущенного народа убиения и, сказати, дабы он сам шел лестницею Ризположенною.

И князь Иван патриарху, хотя злое свое намерение исполнити, якоже прежде путь указоваше итти в Верх на Красное крыльцо между возмущенным народом, иже готов бе на его убиение. Сие же бысть того дня часу в десятом.

Святейший же Иоаким патриарх, видя неукротимое бедство, и к тому уже вяшше не помышляя жив быти, не ведая того, яко десница Вышняго благоволила его верною и избранною своею благоверною в. г. ц. Софиею Алексеевною от того конечного бедства и напрасной смерти свободити — яже уже, за помощью Божию, на избавление его и с ним сущих приуготовящихся, их ожидает — со всем освященным собором вси, плачущесе, поидоша в Верх к великим государем.

На обличение же раскольников проклятого их учения повеле святейший патриарх множество книг святых древних письменных греческих и славенских на харатиах (пергамене) и печатных нести в Верх на Красное крыльцо. И с теми книгами на Красное крыльцо повеле итти архиепископу Афанасию колмогорскому, да епископом танбовскому Леонтию, да воронежскому, и архимандритом, и игуменом, и всем священником московских церквей, дабы множество древних книг несомых народ видяще, познали, яко готови суть на показание правды, и свирепство свое приукротили.

Сам же святейший патриарх с прочими властями тем путем ради возсвирепевшаго (народа) опасения не иде, но поиде от соборных церкви по леснице Ризположенной. Благочестивии же люди и церкви святых последующий, видяще книги, несомыя старыя, их же зело множество, надеющесе, яко явится в них правда, а лестное раскольников (учение) обличится, возрадовашася. А раскольники усумнешася, обаче огонь ярости ни мало в них угасаше, но всячески надеяхуся вспоможением им в том деле их помощников злохотеиие свое уллучити; и начаша паче волны свирепства народнаго воздвизати и шум — аки вод многих — умножати.

Егда же святейший патриарх и власти к государем в Верх в их государскую Переднюю полату приидоша и книги принесоша, и тогда благоверная в. г. ц. София Алексеевна, имеюще от вышняго промысла дар премудрости и добропохвального мужества, в надожди Божия ей помощи готова суца церкви святых и святейшему патриарху со всем собором в заступление, нача с святейшим патриархом и со всеми властями о украшении возсвирепевшаго народа советовати.

¹⁷ поверив

Князь же Иван Хованской, тшася еще зломыслие свое привести во исполнение, пришед к великим государем, святейшему патриарху дерзновенно от народа сказаше, что «народ зело кричит и просят тебе, чтоб ты ради веры состязания шел к ним на площадь или в Грановитую государскую полату не мешкая: они того ожидают, а государем они ради их государских младых лет тамо с тобою быти не хошут».

И государем он, князь Иван, доносил: «Естьли патриарх от вас, государей, к народу его ожидающему на площадь со властьюм вскоре не пойдет, то народ, яко же и прежде, к ним, государем, в Верх хошут итти со оружием, патриарха и всего освященного чина на убиение. Егда же от святейшаго патриарха со властьюм от вас, государей, нешествием сотворится — и тогда опасен¹⁸ он, чтоб и им, государем, от свирепства народного чего не учинилось, и о том бы бояром напрасно не быть побитым».

Святейший же патриарх без государей к народу в Грановитую полату итти отрицашеся. И князь Иван государем с ним, патриархом, никако же быти советоваше.

И аще бы господь Бог не упремудрил в. г. ц. Софии Алексеевны, и лукавого бы совета князь-Иванова ей, государыне, не открыл, и ея мужественным крепким потщанием¹⁹ той князь-Иванов совет не препялся²⁰, но по его, князь-Иванову, злосмысльству сотворилося, — то непщую²¹, что не токмо бы святейший патриарх со властьюм в той день от свирепного народа быша побиени, но и вси бы освященнаго чина быша смерти преданы!

Яко же бо прежде Вышняго благодать на свою божественную славу, и на общую православных пользу, и церкви своея святыя на защищение благоволи благоверную в. г. ц. Софию Алексеевну избрати, — тако благоволи оною, яко своею избранною, и действовать.

Видящи она, государыня, на всех страх смертный от народной дерзости, за доношением князь-Ивановым нашедший и здравыя разумы поколебавши(й), побораючи по святей православной церкви и хотящи и святейшаго патриарха, и властей, и весь освященный чин от напрасныя народныя смерти избавити, и приявши дерзновение, нача глаголати: «Вижду за грехи наши от Бога попущенное конечное церкви святей велие бедство, и пастырю нашему святейшему патриарху, и влаstem, и всему освященному чину от народа возмущеннаго блискую смерть, и нам, аще патриарха и властей не оставим, оныя же смерти прещение, яко же князь Иван поведа, свыше не убежати — обаче надежду на заповедавшего во время скорби его, Бога, в помощь призывати, и обещаваго призывающих его в помощь от тоя скорби избавляти — имам аз, грешна, яко нас, грешных, в таковой скорби сущих и помощи его святыя нам просящих, нас не презрит! И аще вси просящи, станем единодушно, друг за друга хотяще душу свою положить, от сея страшныя смертныя скорби по всеильному своему божественному промыслу (Бог) нас избавит.

И того ради аз, грешная, за святую православную церковь, и за святейшаго патриарха, нашего пастыря, и за весь освященный собор готова душу свою днесь (ныне) без всякого страха положить. Зане творец мой Христос спаситель рече: «Волюни тоя любве несть, иже кто положит

¹⁸ опасается

¹⁹ старанием

²⁰ не был остановлен

²¹ полагаю

душу свою за друга своего». Тем же с святейшим патриархом и со властью иду к народу в Грановитую полату! И аще кто со мною хочет итти — той ми да последствует».

И с нею, государынею, поидоша государыня царица Наталия Кириловна, тетка, государыня царевна Татяна Михайловна, и сестра ее, государыня царевна Мария Алексеевна.

Пришедше же с святейшим патриархом, со всем освященным собором в Грановитую полату, сядоша сиче на дву государских местах; на едином тетка их государская, г. ц и в. кн. Татяна Михайловна, на втором их царская сестра, г. ц. и в. кн. София Алексеевна. Под ними же на креслах г. ц. и в. кн. Наталия Кириловна, г. ц. и в. кн. Мария Алексеевна. На креслах же, вравне, святейший Иоаким патриарх.

Таже сядоша архиереи по степенем своим²²... Архимандриты же, и игумены, и весь освященный собор, и весь царского величества сигклит: бояря, окольничие, и думные люди, и стольники, стряпчие, жильцы же, и дворяне, и из служивых салдацкого, и пушкарского, и стрелецких всех полков выборные люди, тамо же бывше, вси царскому величеству предстояху.

Князь же Иван Хованской раскольников пришедших повеле в полату пустити. Священников же многих и по церкви святей ревнителей, благочестивых людей, пущати не повеле, но избиением иных веле отгнати.

А оныя враги Божий и раскольники святыя восточныя православныя церкви, иже от многих лет смущения в Росии твориша и церкви всякими досадами и ныне стужают, со оной площади яко злил звери, новыя иудеи, со светилы и свечами, со аналогиями и с камнями, со иконами, и с тетратками, и книгами (пошли в Грановитую палату):

Никита проклятый суждалец изверженный, да бродяги и розстриги черн(е)цы, Сергей Нижегородского уезду, Савватий рострига боярской холоп москвитин, другий Савватий костромитин, пострижен в Ярославле в мирском дому таким же волочагою (бродягой) черн(е)цом, Дорофей поселянин, Гавриил поселянин же, — вси по мирских домех волочащийся и по многих монастырех бродящий своевольно, иже отнюдь ничтоже знают... Инии невежди миряне и неуки, самыя худыя люди и ярыжныя (пьяные) с кобаков пропойцы<...>

Сия безчинныя кличи глупых мужиков, буесть же, и невежество, и нечинное стояние пред царским величеством, и презрение, и что никого не слушают, и никто им не возбраняет видевшие, государыни царевны и государыня царица с престолов царских, на них же сидеша, **снидоша плачущеся**.²³

Сшедши же, нача благородная г. д. и в. кн. София Алексеевна ко всем, наипаче же к служивым выборным стрелецким людям, умиленно и с плачем глаголати [что ради прежняго их страху бояться вси, и те раскольники мужики дерзновенно пришли, бутто на них надеяся]: «Что вы, о служивые, зрите?! Что стоите праздни?! Лепо ли таким мужиком-**невегласом** к нам бунтом приходити? Пристойно ли пред нами, и пред святейшим патриархом, и всем освященном соборе, и пред нашим сигклитом, пришедше в царскую полату, творити всем нам досады и кричати позорищными гласы?

²²далее перечислены имена 8 митрополитов, 5 архиепископов и 2 епископов

²³сошли с плачем

Подобало ли им о церковных вещех, безумным суцим и писания не знающим, воздвизати мятежи?! Видите, како они приидоша злобно! Како, пришед, крик и вопль сотворяют в нашей полате пред нами! Како ни в чем нас слушают, егда и вы, бывшия блаженныя памяти с. г. ц. и в. кн. деду нашему Михаилу Феодоровичю, и отцу нашему Алексею Михайловичю, и брату нашему Феодору Алексеевичю верныя слуги и боронители святыя православныя веры и церкве святыя и всего нашего государства, с ними раскольники в единомыслии на злобу пребываете!

Вы и ныне у в. г. ц. и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (т) и у нас такожде слуги зовется, присно в доме нашем стоящия верныя: то что таким невеждам попускаете?! Что их от такова мятежа не понимаете?! Аще ли тако нам в порабощении быти — то к тому уже благочестивым царем и нам zde жити невозможно! Имамы ити отсюду во грады иныя и в таком непослушании и разорении народу всему возвещати».

Они же, служивыя выборныя, отвещаша: «Мы великим государем и вам, государыням, верно служить, яко блаженныя памяти великим государем деду, и отцу, и брату вашему, ради²⁴. За православную веру, и за церковь святую, и за ваше царское величество готови и днесь главы своя положить и по указу вашему творити все. Точию сами вы, государыни, днесь видите, что народ возмущенный, и у полат ваших стоит множество людей, — дабы, как мощно, день той препроводити, во еже бы чесого и нам зла от них не пострадати. А еже великим государем и вам, государыням, итти от царствующаго града сего инде — никакого же буди то!»

И едва от святейшаго патриарха, и всего освященного собора, и от их царского сигклита, и от служивых, и всяких чинов людей, которыя были в полате, они, государыни, умолени быша и паки возвратишася на места своя. Сядящим же всем, яко же и прежде, челобитная их (раскольников) вся прочтеша. По ней же не бысть раскольником от царского величества никоего слова, никакогого указа, понеже писано неправедно, по глупости, воровски и досадительно.

День же преклонися уже к вечеру и время наста вечерняго пения. К сему же вси людие быша утруждению пожданием²⁵ многим. Возвещено же им, раскольником, что указ им будет государской во иной день.

И тако они злии раскольницы изшедше из государевы полаты, идуше во граде Кремле путем з богомерзкою сонмицею своею, кричали: «Победихом, победихом!» А что? — Неведомо что. И воздвигше руки горе, всем вопяху: «Тако слагайте персты! Веруйте, люди, по нашему!»

Возшедше же Спаскими ворота на Лобное место, в той же час иконы свои на аналогиях поставили и на скамьях седше тамо простый народ паки, и уже якобы по повелению царского величества, своему их раскольничью проклятому делу учили. И такожде показующе руки кричали: «Тако веруйте! Мы всех архиереев препрехом и посрамихом! Тако творите!»

И тако весь путь, идуше до сквернаго соборища своего и пребывалища, твориша. Им же не стерпе Божий суд [яко видевший поведаша]*. Ибо оный проклятый Никита и инии черн(е)цы лукавым духом томими бяху: тогда, на Лобном месте, и во иныя дни, обмирающе,

²⁴ рады

²⁵ ожиданием

* т. е. по словам очевидцев, староверы были наказаны божьим судом.

падаху, точаще пены<...>

И в 27 день в час третий в Троецкой монастырь прииде митрополит и с ним служивыя. И чесо ради митрополит прииде, все государем возвести. И яко бы мы тогда приидохом тамо из какия дальния страны — вси бо тамо людие всяких чинов любезно вопрошаху: «Како приидосте? Что деется в царствующем граде? Жив ли той человек, или овый?»

По вознесении же умиловительный Бсетворцу Богу безкровная жертвы божественный литургии, изшедши из Успенския великия церкви на крыло церковное, сущее на юг, господолюбивая небесопаривая горлица, блаженнейшая мудрая дева [ей же дадеся смышление и острозрительство от Бога, что дражайшее всего на земли], крылы не позлощенна, но разумным доброкрасотством паче злата и топазия, и мысленными крылы ко Богу же желательным всякого добра всем человеком парением удобренна, в **междорами** златом не блестяща, но девства чистотою, и правостию, и человеколюбием сердца своего паче солнца светящая и суждение дающая, их царского величества сестра благородная г. ц. и в. кн. София Алексеевна [солнце бо воспримует ночь, правды же и мудрости и мрачная злоба не одолевает] со множеством царского сигклита ближних людей.

И повеле прийти тамо всем служивым, кои из Москвы ради их государския милости приидоша. [Зане крыло церковное, сущее на юг, высоко от земли и оттуду ей, государыне, возможно их обозрети]. Стоящим же им доле²⁶ на земли, главами поникъшим (в) умиление и ждущим царского гневнаго страшнаго изречения, абие благоразумно она, государыня царевна [воздавши благодарение, во-первых, Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, в триех ипостасех единому Божеству, яко тамо в славу Троичного единства во обители их царское величество пребываше ради вышеписанныя нужды; таже честь сотворя христьянстей надежде пречистой деве Марии Богородице, яже непрестанно к Сыну и Богу за люди в молитву руке свои простирает; по сем и всех святых угодников Божиих молитвенно чествующий, и в той обители святей телесы своими святыми опочивающих и создавших обитель тую преподобных Сергия чудотворца и ученика его Никона такожде почтивши] начала глаголати сице:

«О, людие Божий! Како вы не убоястесь Бога?! Како востаете на величайших благочестивых самодержцев и на весь царского нашего величества сигклит, на бояр, и ближних людей, и на всех людей во всем Московском государстве вознеистовистесь?! Воистинну забысте вашу нам веру и целование креста святого, что верно во всем нам служить! Забысте блаженные памяти великих государей — деда нашего ц. и в. кн. Михаила Феодоровича всеа Росии, и отца нашего ц. и в. кн. Алексея Михайловича, и брата нашего ц. и в. кн. Феодора Алексеевича (Т) — к Вам милость и жалование. Забысте и ныне благочестивых ц. и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (т) вам паки милость и паче вашей меры их государское жалованье.

По что пойдосте по своим волям зло творити? Чесо ради, вознеистовяся, хотесте за нами войною воровски на погубление ити? Чесо ради без царского величества указов ружье всякое ис казны, зелие же, и свинец, и всякие военные припасы разобрали и людем иным раздвали, и пушки розвозили на бой, и ходите всюду на Москве в

царствующем нашем граде с ружьем и с копья, и караулы поставили многие, и круги злосоветные ваши завели есте по-казацки, чесого и в древний лета в царствующем граде не бывало?! Или вы наше царство хотите завладеть?!

Видите, во что бы ныне своевољством своим приидосте! Видите, коликое множество воинства нашего из дальних стран вашего ради злодейства и непокорства приидоша, да охранят нашу державу! Како вы, в таком еще юном возрасте видяще благочестивых царей, и воздвигосте смущение, и мятеж, и противление, и всему государству убыток, и обиду, и скорбь всему воинству соделали есте?!

Еще же и всяким людем (едушим) ради нужд своих из дальних стран и челобитья нам о всяких делах в царствующий наш град от вас возбранися. И не пуцаете в него никого же, за что не годни бы есте царского величества и зрения, не токмо милости к вам явления! Разумейте убо, аще вы называетея царского пресветлого величества послу.
